

Вліяніе народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича.

„Изъ-за Данте и Гомера спорили города
о мѣстѣ ихъ рожденія. Изъ-за Коперника
спорягь два народа. Жалкія распри! Солнце
мысли, солнце чувства свѣтлтъ всѣмъ, всѣхъ
согрѣваетъ“.

Андрей Нѣмовскій.

I.

Имена Пушкина и Мицкевича тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ имена создателей новаго направленія въ родственныхъ литературахъ: русской и польской.

Новое направленіе характеризуется народностью и самобытностью. Эти два неразрывныхъ опредѣленія предполагають такого рода литературное состояніе, когда на смѣну рабской подражательности иноземному пробуждается интересъ къ національнымъ задачамъ, когда взглядъ на поэзію, какъ на пріятное занятіе въ часы досуга, уступаетъ мѣсто желанію воспѣвать «въ жестокой вѣкъ свободу и милость къ падшимъ призывать». Тогда содержаніе художественныхъ произведеній отражаетъ общественную жизнь съ ея запросами, а внѣшняя форма ихъ — живая рѣчь даннаго общества. Въ началѣ XIX вѣка, подъ вліяніемъ западныхъ идей, однимъ изъ наиболѣе прогрессивныхъ запросовъ, волновавшихъ Россію и Польшу, дѣлается освобожденіе крестьянъ и связанная съ нимъ потребность демократизаціи общественнаго строя. На этой почвѣ возникаетъ въ литературѣ необходимость шпрокаго знакомства съ народнымъ бытомъ.

Такимъ образомъ тѣмъ мірскимъ пѣснямъ, которыя находились

въ полномъ пренебреженіи и у русскихъ и у поляковъ, суждено было играть великую роль въ обновленіи литературы.

Народная поэзія становится предметомъ глубокаго общеславянскаго интереса, во многомъ предшествующаго романтическому направленію. Уже къ концу XVIII в. пробуждается этотъ интересъ.

Такъ Тредьяковскій, заимствуя французскій стиль, взялъ правила для стихотворенія «изъ самыхъ внутренностей свойства нашему стиху приличнаго», именно изъ поэзиі простого народа. «Державинъ¹⁾, отложивъ на время громы придворнаго стихотворства, поэтизируетъ народную дѣвичью пляску. Созрѣла потребность изображенія русской жизни; въ пьесахъ Фонвизина, имп. Екатерины, Аблесимова, Веревкина и др. появились вѣрныя черты, между прочимъ, людей изъ народа; Василій Майковъ въ шутливой, отчасти распушенной поэмѣ взялъ простонароднаго героя; Радщевъ воспѣвалъ «Бову», Карамзинъ «Илью Муромца». Въ концѣ XVIII в. въ Россіи выходятъ пѣсенники Чулкова и Новикова, сборники народныхъ пѣсенъ Прача, Попова, а въ первой четверти нашего вѣка Калаталлина и Кирши Данилова.

Въ польской литературѣ мы встрѣчаемся съ аналогичнымъ явленіемъ: появленію романтизма и здѣсь предшествуетъ интересъ къ народности. Въ періодъ четырехлѣтняго сейма выдѣляется ксендзь Стапиславъ Стапичъ, истинный демократъ, лозунгъ котораго былъ: «сперва народъ — потомъ свобода». Гуго Колонтай, стремившійся къ демократизаціи государственнаго правленія, одинъ изъ выдающихся дѣятелей конституціи 3-го мая 1791 года, предложилъ проектъ записыванія народныхъ преданій и обычаевъ. Это письмо, въ которомъ Колонтай обратился съ своимъ проектомъ къ Краковскому книгопродавцу Яну Маю, написанное имъ въ тюрьмѣ, было сообщено Тадеушемъ Чацкимъ «Обществу любителей наукъ». Вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ явилась статья въ «Варшавскихъ запискахъ» («Pamiętnik Warszawski») 1805 г., подъ заглавіемъ: «Свадьба, свадьбы, дни рожденія и крестынины у русскаго народа въ Червонной Руси». Далѣе въ 1810 г. Янъ Павель Вороничъ печатаетъ свою «Бесѣду о народныхъ пѣсняхъ», въ слѣдующемъ году Игнатій Червинскій издаетъ во Львовѣ «Описаніе обычаевъ русскаго

¹⁾ А. Н. Пышпавъ. Ист. русск. язг. т. IV, стр. 106.

народа заднѣстрской области между Стрыемъ и Ломницой». Списокъ русскихъ и польскихъ сборниковъ народныхъ пѣсень краснорѣчиво доказываетъ, что изученіе послѣднихъ стало существенной потребностью. Этимъ изученіемъ подготовлялась почва для дальнѣйшаго литературнаго движенія съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ во главѣ.

Мнѣ кажется, не будетъ ошибкой повторить слова извѣстнаго польскаго этнографа начала нашего вѣка Зорьяна Ходоковскаго для характеристики отмѣченной подготовительной работы. «Уже прогоркли»¹⁾, говоритъ онъ, «сладкіе чужеземные плоды, употребляемые безъ мѣры: чувствуется уже потребность въ простыхъ туземныхъ плодахъ; соберемъ ихъ старательно, а время, создающее все, дастъ намъ, быть можетъ, новаго Бояна, который, пользуясь современнымъ отшлифованнымъ языкомъ, будетъ описывать картины былого и станетъ творцомъ народной оригинальной литературы». Историческія условія благопріятствовали увлеченію народной поэзіей, постепенно охватывавшему русскихъ и поляковъ. Реакція Екатерининской эпохи сдѣлала недоступнымъ прогрессивное движеніе литературы по тому пути, который былъ указанъ Западомъ. Императрица Екатерина II круто перемѣнила послѣ французской революціи свои симпатіи къ выдающимся идеямъ вѣка просвѣщенія, и русской литературѣ было не подъ силу стать выразительницей этихъ откинутыхъ съ высоты престола идей. Такъ какъ нельзя было свободно отдаться влеченіямъ къ Западу, лучшимъ людямъ того времени приходилось искать у себя на родинѣ источниковъ для плодотворной литературной работы.

Отсюда возбуждается интересъ къ изученію древности, ощущается необходимость опредѣленія національныхъ задатковъ. Новиковъ и Радищевъ краснорѣчиво указываютъ, что общественная самодѣятельность — лучшее средство для исправленія современныхъ недуговъ. Необыкновенно сильное стремленіе ихъ разобраться въ національной жизни, расширить русское просвѣщеніе имѣло основой протестъ, вызванный реакціей. Въ этомъ смыслѣ реакція заключаетъ въ себѣ положительные качества: она удерживаетъ отъ подражательности, возбуждая мало-по-малу активную общественную самодѣятельность. Новиковъ въ предисловіи къ своей «Вивліоѣикѣ» подчеркиваетъ неразумность крайнихъ увлеченій Западомъ; онъ не можетъ прими-

¹⁾ P. Chmielowski. Adam Mickiewicz. Zarys literacko—biograficzny. T. I.

ряться съ несправедливой, по его мнѣнію, мыслью, что «природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростью и надѣлившая всѣ области свойственными ихъ климатамъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственного народу ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы пзъ сей смѣси составить новый, никакому народу несвойственный характеръ, а еще наипаче Россіянину» ¹⁾. Сознаніе необходимости войти въ близкое сношеніе съ народомъ, съ его прошлымъ—естественный результатъ мыслей такого рода. Царствованіе Александра I лишь на очень короткое время облегчило тягостный режимъ конца предшествовавшаго вѣка. Общественная самодѣятельность шла, естественно, медленными шагами на Русь, но необходимость ея ощущалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ стѣснительнѣе было положеніе.

Въ этомъ же духѣ пробуждается сознаніе въ Польшѣ, послѣ ея политическаго крушенія. Прежняя аристократическая замкнутость должна была неминуемо исчезнуть. Въмѣстѣ съ обѣднѣніемъ знатнаго шляхетства нарождается новое поколѣніе литературныхъ рабстниковъ, вышедшее изъ среды незнатныхъ фамилій, интересы которыхъ близко стали вивались съ интересами простого народа. Замолкли на время политическія смуты, патріотическія стремленія уступаютъ мѣсто научнымъ, и потому въ литературѣ увлеченіе подражательностью западнымъ образцамъ смѣняется критикой послѣднихъ. Въмѣстѣ съ приглашеніемъ Яна Снядецкаго «употребить плоды просвѣщенія на то, чтобы сдѣлать сносною жестоко удручающую поляковъ судьбу», раздаются голоса, требующіе народности въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы вступаетъ на путь усиленнаго культурнаго развитія третье сословіе, въ Россіи и Польшѣ обѣднѣвшее дворянство стремится къ знанію и сильно влияетъ на жизнь умственную, художественную и экономическую. Событія начала XIX в. расчищаютъ путь для того движенія, которое было вызвано въ Германіи трудами Гердера. Въ связи съ этимъ движеніемъ возникаетъ романтизмъ, прославленный поэзіей Шиллера и Гёте. Источникомъ для новаго направленія служить народная поэзія, откуда писатели черпаютъ матеріалъ для содержанія и формы

¹⁾ А. Н. Пышинъ Исторія русской литературы. Т. IV СПб. 1899 г.

новыхъ произведеній. Западное вліяніе благодаря событіямъ Двѣнадцатаго года, Священнаго союза и конгрессовъ быстро сказывается въ русской и польской литературахъ. Такъ приходитъ на смѣну ложноклассицизму новое направленіе, какъ протестъ противъ салонной эстетики во имя идей гуманности и свободы.

Русская литература обязана своимъ знакомствомъ съ романтизмомъ главнымъ образомъ Жуковскому. Весьма интересенъ тотъ фактъ, что сочиненія его оказали сильное вліяніе на кружокъ польской молодежи, среди котораго находился Мицкевичъ. Въ этомъ фактѣ отражается вліяніе русской литературы на польскую. Вотъ какъ рассказываетъ о немъ лучший біографъ и критикъ Мицкевича Петръ Хмѣлевскій. «Въ 1819 году, во время собранія студентовъ Виленскаго университета», говоритъ г. Хмѣлевскій, «среди которыхъ находился Мицкевичъ, вбѣжалъ въ комнату товарищъ собравшихся Чернявскій, сынъ профессора русской исторіи литературы. У этого веселаго и всѣми любимаго товарища горѣли глаза: онъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что прочитанной баллады Жуковскаго «Людмила», передѣланной изъ Бюргеровой «Леноры». По желанію товарищей онъ съ чувствомъ продекламировалъ ее, и всѣ раздѣлили съ нимъ его восторгъ. На слѣдующій же день ближайшій другъ Мицкевича Тома Занъ написалъ балладу «Нерина», представляющую изъ себя передѣлку баллады Жуковскаго ¹⁾. Нѣсколько дней спустя онъ написалъ новую балладу «Свитезь».

Если мы примемъ во вниманіе польскую вражду къ нѣмцамъ, исторически выработанную, которая служила не малымъ препятствіемъ для заимствованія новаго направленія, то для насъ станетъ ясной возможность вліянія русской литературы на представителя романтическаго направленія въ Польшѣ Мицкевича.

Забывая нѣсколько впередъ, обратимъ вниманіе на слова Пушкина въ его предисловіи къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ»: «Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсенъ». Такая вполне

¹⁾ Въмѣстѣ съ тѣмъ, но (наперекоръ польскимъ историкамъ литературы) лишь косвенномъ образомъ, и ея нѣмецкаго подлинника. См. Р. Бравдт. Ленора, Людмила и Нерина. Замѣтка по польской литературѣ. Варшава 1896, стр. 10 = Р. Ф. В., т. XXXV, стр. 180.

справедливая характеристика Мицкевича, как знатока народной поэзии, может быть сопоставлена со слѣдующими стихами из отрывка Пушкина «Мицкевичъ» (изъ черновой рукописи поэта):

„Дѣлились мы и чашей, и мечтами,
И пѣснями (онъ былъ пѣзъ вдохновенныхъ
И глубоко взиралъ на жизнь).“

Это признаніе Пушкина наводитъ насъ на мысль о возможномъ влияніи Мицкевича, оказанномъ имъ на своего друга въ области народной славянской поэзіи. Такимъ образомъ раскрывается смыслъ настоящей работы. Во-первыхъ, параллельное разсмотрѣніе влияния народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича способствуетъ уясненію тѣхъ узъ, которыя связывали поэтовъ-ровесниковъ. Во-вторыхъ, оно выясняетъ значеніе народной поэзіи, какъ основы для художественнаго самобытнаго творчества. Совмѣстное изученіе творцовъ національныхъ русской и польской литературъ дѣлаетъ это значеніе болѣе очевиднымъ. Для опредѣленія послѣдняго весьма важную роль долженъ играть, на мой взглядъ, психологическій анализъ воспріянія народныхъ образовъ и языка. Вѣдь дѣло въ томъ, что окружающая гениальныхъ поэтовъ атмосфера была такъ или иначе насыщена народнымъ духомъ, и чуткія воспрімчивыя натуры поэтовъ претворяли въ свою плоть и кровь этого духъ не сразу, а постепенно. Особенно сильна эта воспрімчивость у Пушкина: ей не могли послужить препятствіемъ ни ближайшая аристократическая французская среда, ни воспитаніе въ такомъ же направленіи. Исходя изъ біографическихъ данныхъ и слѣдя шагъ за шагомъ за этимъ воспріятіемъ, мнѣ кажется, можно было бы указать на основной характеръ воздѣйствія народности.

Какъ на примѣръ такого анализа, правда по другому вопросу, я укажу на статью проф. Овсяннико-Куликовскаго ¹⁾ «Пушкинъ какъ художественный гений», гдѣ характеръ гениальности поэта опредѣляется художественной экономіей мысли, ея индуктивностью. Второе мѣсто для отвѣта на интересующій насъ вопросъ занимаетъ спеціально литературное изслѣдованіе, которое я подраздѣляю на двѣ части. Первая — это разсмотрѣніе непосредственнаго влияния народ-

¹⁾ Журналъ „Жизнь“. Май 1899 г. А. С. Пупенъ—какъ художественный гений. Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.

ной поэзіи, т. е. такого, гдѣ оно выражается въ заимствованіи народныхъ сюжетовъ. Вторая же часть заключается въ томъ, чтобы прослѣдить на всѣхъ произведеніяхъ даннаго автора это вліяніе со стороны языка и выраженій. Специально литературное изслѣдованіе должно быть сравнительнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы будемъ лишены необходимаго критерія для нашихъ выводовъ. Лучшимъ отрицательнымъ доказательствомъ этому могутъ служить этюды Н. Сумцова о Пушкинѣ. Разбирая, напримѣръ, балладу «Женихъ», онъ добросовѣстно указываетъ рядъ ходячихъ народныхъ сказаній на данную тему «отъ Уральскихъ до Пиринейскихъ горъ»¹⁾, но что можно вывести изъ приведенныхъ параллелей—на это нѣтъ отвѣта. Сказать, что данный сюжетъ заимствованъ, перечислить десятки его вариантовъ—слишкомъ мало, чтобы мы составили себѣ хоть какое-нибудь представленіе о характерѣ вліянія. Я считаю изслѣдованіе вліянія народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича весьма сложнымъ: оно должно объединять собой указанныя точки зрѣнія въ связи съ исторіей эпохи и западнымъ вліяніемъ. Моя задача гораздо скромнѣе. Она состоитъ въ томъ, чтобы рассмотреть параллельно непосредственное вліяніе народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича и сдѣлать возможные выводы о характерѣ этого вліянія. Безъ послѣднихъ утрачивается смыслъ словъ «народный», «національный», которыми характеризуется поэзія двухъ бессмертныхъ юношей, «стоявшихъ подъ однимъ плащемъ». Мы далеки отъ мысли разрѣшить намѣченный вопросъ, новый въ критической литературѣ, съ достаточной полнотой—мы можемъ представить только попытку разобраться въ одномъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ поэтовъ-ровесниковъ.

II.

Каковы были условія, имѣвшія отношеніе къ воспринятію поэтами народной поэзіи? Они сложились гораздо благопріятнѣе для Мицкевича, чѣмъ для Пушкина.

Въ то время какъ Мицкевичъ, происходя изъ мелкой такъ называемой застѣнковой шляхты, воспитывался въ маленькомъ литов-

¹⁾ Н. Сумцовъ. Этюды объ А. С. Пушкинѣ. Вып. V-й. Отискъ изъ „Р. филолог. Вѣст.“ Варшава 1897 г. стр. 14.

скомъ городѣ Новогрудѣ и приходилъ въ постоянное соприкоснове-
 вѣніе съ простымъ народомъ, Пушкинъ, потомокъ родовитой дворян-
 ской семьи, росъ въ строго аристократической обстановкѣ, гдѣ фран-
 цузская рѣчь была господствующей и гдѣ молодые Пушкины слыша-
 ли русскую рѣчь только отъ прислуги и отъ старухи бабушки
 Марьи Алексѣевны Ганнибалъ. Далѣе, если мы сопоставимъ Царско-
 сельскій аристократическій лицей, гдѣ обучался Пушкинъ, съ доми-
 никанской Новогродской школой и Виленскимъ университетомъ въ
 пору его высшаго процвѣтанія, гдѣ получилъ свое образованіе Миц-
 кевичъ, то указанная разница въ условіяхъ окажется огромной.
 Обстановка, окружавшая Пушкина и въ домѣ и въ школѣ, благо-
 пріятствовала развитію въ немъ литературнаго интереса, но дала
 ему очень мало для изученія народности. Домашняя обстановка Миц-
 кевича, если не считать чисто географическихъ условій, красоты
 мѣстности Новогрудка, не развила въ немъ литературныхъ интере-
 совъ ¹⁾, но запечатлѣла въ душѣ мальчика богатый запасъ, народ-
 наго творчества. Интересно сопоставить то значеніе, которое имѣла
 няня Пушкина Арина Родионовна, съ тѣмъ вліяніемъ, которое оказалъ
 на Мицкевича его старый слуга Блажей. Старушка няня безхит-
 ротно рассказывала мальчику свои чудныя сказки, въ то время
 какъ старикъ Блажей старался комментировать свои фантастическіе
 рассказы не менѣе фантастическими вымыслами собственнаго со-
 чиненія. Несомнѣннымъ является то, что уровень образованія Миц-
 кевича былъ выше, чѣмъ у Пушкина. Русскій поэтъ вынесъ изъ
 школы далеко неудовлетворительное знакомство съ родной литера-
 турой и языкомъ. «Можно положительно сказать», говоритъ проф.
 В. Ѳ. Миллеръ, «что для изученія русскаго языка и народности
 благопріятнымъ событіемъ въ жизни Пушкина были его высылка
 изъ Петербурга, путешествіе на югъ, жизнь въ Кишиневѣ и затѣмъ
 пребываніе въ деревенской глуши въ Михайловскомъ». Дѣйстви-
 тельно, это событіе восполняетъ пробѣлъ въ національномъ образо-
 ваніи поэта, и если уже раньше въ его душѣ была несомнѣнная
 любовь къ родному языку, то теперь, имѣя непосредственное сноше-
 ніе съ простымъ народомъ, слушаая пѣсни и сказки Арины Родио-

¹⁾ О вліяніи въ такомъ смыслѣ его отца, славившагося въ своемъ кругу пу-
 точными стихотвореніями, нѣтъ никакихъ извѣстій.

новны во время своего двухлѣтняго пребыванія въ деревнѣ, Пушкинъ съ его необыкновенной воспримчивостью не могъ не поддаться вліянію народной поэзіи. Увлеченіе Байрономъ содѣйствовало ему до нѣкоторой степени внести этнографическій элементъ въ свои поэмы.

Обратимъ наше вниманіе на слѣдующій фактъ. Какъ ни были благоприятны условія для вліянія народности на Мицкевича, онъ далеко не сразу вноситъ въ свои произведенія народный элементъ и долгое время находится подъ вліяніемъ ложноклассицизма. Первое его произведеніе, какъ и произведеніе Пушкина, не многимъ отличается отъ господствовавшаго направленія. Польская литература переживала въ этотъ моментъ сильную борьбу стараго съ новымъ: романтизмъ служилъ предметомъ долгихъ споровъ Бродзинскаго, Снядецкаго и др. Нуженъ былъ сильный толчокъ для того, чтобы вывести Мицкевича на новый путь. Этимъ толчкомъ и было его ознакомленіе съ нѣмецкой литературой, отчасти при посредствѣ съ русской, какъ это я указалъ въ своемъ предисловіи. Не видимъ ли мы такой же процессъ въ творествѣ Пушкина? Вѣдь невозможно отрицать въ немъ зародившагося уже до ссылки двадцатаго года интереса къ народности, проявленнаго въ лицейскихъ опытахъ, въ «Бовѣ» и въ поэмѣ «Русланъ и Людмила». Ссылка поэта и вліяніе Байрона являются здѣсь толчками, направившими его въ сторону народности. Почти одновременно оба представителя родственныхъ литературъ вступаютъ на этотъ путь, несмотря на различіе домашней обстановки и воспитанія. Чѣмъ же объяснить это явленіе? Разгадку его мы находимъ въ томъ, что оба поэта—не ученые этнографы, изучающіе народную поэзію съ сознательными цѣлями, а художники, воспринимающіе бессознательно впечатлѣнія отъ окружающей ихъ дѣйствительности.

Поэтому рѣшающее значеніе ссылки Пушкина должно быть въ значительной степени ограничено. Усвоенное бессознательной сферой мысли художникъ выражаетъ на бумагѣ вслѣдствіе того или иного толчка извнѣ. Опростѣніе Пушкина во время его ссылки было прямымъ результатомъ предшествующаго періода, когда онъ, среди самыхъ разнообразныхъ тормозовъ для народности, почувствовалъ любовь къ народной поэзіи. Итакъ, центръ тяжести переносится, мнѣ кажется, на тѣ мотивы самаго первоначальнаго воспріятія, которые

руководили психологіей поэтовъ. Этими мотивами руководить въ свою очередь историческая эпоха. Въ Россіи просвѣщенный абсолютизмъ вызываетъ въ обществѣ раздвоеніе между западными идеями, получившими еще болѣе широкій доступъ, чѣмъ въ лучшіе годы Екатерины, породившіе Новикова и Радищева, и дѣйствительною жизнью. Въ Польшѣ переживается періодъ политическаго крушенія, когда еще свѣжа рана, нанесенная потерю самостоятельности, и сознава роковая ошибка шляхетскихъ вольностей при полномъ индифферентизмѣ къ народу. Въ то время какъ въ Россіи мечта увидѣть «народъ освобожденный» опередила ея осуществленіе на нѣсколько десятилѣтій, въ Польшѣ стремленіе къ освобожденію отчизны и демократизаціи общественнаго строя имѣетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ.

Мы должны принять во вниманіе при выполненіи нашей задачи политико-общественные взгляды поэтовъ, сложившіеся подъ вліяніемъ характера эпохи. Въ этихъ взглядахъ много общаго. И Пушкинъ и Мицкевичъ считали освобожденіе крестьянъ дѣломъ первой необходимости. Если критики Пушкина обвиняютъ его въ измѣнѣ юношескимъ взглядамъ, высказаннымъ въ стихотвореніи «Деревня», ссылаясь на его статью «Мысли на дорогѣ», то эти обвинения являются результатомъ недостаточно внимательнаго и зачастую пристрастнаго разбора упомянутой статьи. Вик. Евг. Якушкинъ блестяще доказалъ въ своей статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ», что русскій поэтъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, что читающая публика обязана ему знакомствомъ съ произведеніями Радищева, знакомствомъ, которое было бы невысказанно безъ того «эзоповскаго» языка, которымъ воспользовался Пушкинъ.

Мы не будемъ подробно входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, который разобранъ нами въ другомъ мѣстѣ, укажемъ только на тотъ краснорѣчивый фактъ, что русскій поэтъ въ своемъ «Шамятникѣ», написанномъ въ 1836 г. за пять мѣсяцевъ до смерти, говорить:

„И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу“...

Нападки критиковъ должны невольно разбиваться объ этотъ послѣдній стихъ, который мы находимъ въ первоначальномъ вариантѣ

«Памятника». Выслушаем мнѣніе Мицкевича о его другѣ, съ которымъ онъ дѣлился «пѣснями и мечтами». Въ своемъ некрологѣ на смерть Пушкина Мицкевичъ говоритъ, что русскій поэтъ остался вѣрнѣе началамъ русскаго либерализма, побѣжденнаго въ декабрѣ 1825 г., и обреченъ былъ на роль бойца оппозиціи, протестующаго въ предѣлахъ возможности противъ водворившагося послѣ катастрофы режима. Онъ признаетъ вполне естественнымъ и незаслуживающимъ упрековъ примиреніе Пушкина съ правительствомъ, такъ какъ оно было не измѣной первоначальнымъ убѣжденіямъ, а только приспособленіемъ къ болѣе сносной жизни, которая давала бы ему возможность дѣйствовать словомъ. «Я зналъ», говоритъ Мицкевичъ, «русскаго поэта близко въ теченіе достаточно продолжительнаго времени, и видѣлъ въ немъ человѣка впечатлительнаго, иногда легкомысленнаго, но неизмѣнно искренняго, благороднаго, открытаго». Для насъ является весьма цѣнной эта характеристика. На ряду съ легкомысліемъ Пушкина въ ней отмѣчаются его неизмѣнные общественные взгляды, общіе со взглядами Мицкевича. Оба поэта отстаивали необходимость просвѣщенія народныхъ массъ. Мицкевичъ, какъ и Пушкинъ, желалъ освобожденія крестьянъ: его панъ Тадеушъ освобождаетъ своихъ крестьянъ, а въ его «Дѣдахъ» слышатся справедливыя упреки самовластнымъ помѣщикамъ. Но если въ отношеніяхъ поэтовъ къ простому народу есть много общаго, то въ складѣ ихъ характеровъ есть различныя черты, которыя послужатъ намъ ключомъ къ опредѣленію вліянія народной поэзіи на ихъ произведенія. Не вдаваясь въ подробности, припомнимъ то, что говорятъ другъ о другѣ сами поэты. Пушкинъ говоритъ о Мицкевичѣ, что онъ былъ «изъ вдохновенныхъ и глубоко взиралъ на жизнь». Мицкевичъ характеризуетъ Пушкина какъ человѣка благороднаго, но иногда легкомысленнаго. Различіе въ характерахъ обоихъ поэтовъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что первый скользитъ поверхностно въ анализѣ окружающихъ явленій, въ то время какъ второй предается глубокой хотя и зачастую бесплодной работѣ ума для разрѣшенія того или иного вопроса. Пушкинъ признавалъ роковую необходимость примѣниться къ окружающимъ теченіямъ, и этимъ признаніемъ онъ какъ бы заставилъ свой умъ прекратить поиски разрѣшенія вопросовъ, почему дѣйствительность такова, а не иная. Мицкевичъ же, хотя и признавалъ надъ собой

власть условій, стремился всей душой сбросить съ себя ихъ гнеть и уѣхать за границу. Впечатлительность Мицкевича доходила до болѣзненности. Всѣмъ извѣстна его необыкновенная способность къ импровизаціямъ, его платоническая любовь къ Маріи Верещаковнѣ, его увлеченіе Наполеономъ и т. п. На первомъ планѣ у польскаго поэта находится неутомимая дѣятельность ума, и вмѣстѣ съ тѣмъ фантазіи, полетъ которой поражаетъ насъ своей смѣлостью. Въ послѣднемъ случаѣ Мицкевичъ представляетъ изъ себя патологическое явленіе, и ничѣмъ инымъ нельзя объяснить его мистицизмъ во вторую половину его жизни. Какъ у польскаго патріота, у Мицкевича была необыкновенно сильная привязанность къ отчизнѣ. Слово «отчизна» выражало собой одинъ изъ главныхъ завѣтовъ кружка филоматовъ, къ которому въ юности принадлежалъ Мицкевичъ. Съ полной увѣренностью можно утверждать, что политическія мечты Мицкевича служили во многомъ препятствіемъ для его художественнаго творчества, и хотя онъ умеръ гораздо позднѣе Пушкина, но какъ художникъ скончался почти одновременно со своимъ русскимъ другомъ. Таковы тѣ условія, съ которыми мы должны считаться при дальнѣйшемъ разрѣшеніи нашего вопроса.

III.

Какъ уже было указано выше, въ мой разборъ входятъ только тѣ произведенія, гдѣ сюжетъ заимствованъ изъ народной поэзіи, народныхъ повѣрій и сказаній. Выборъ произведеній такого рода долженъ быть ограниченъ согласно требованіямъ параллельнаго изученія. Въ первый періодъ своей дѣятельности Мицкевичъ пишетъ преимущественно баллады, въ которыхъ мы встрѣчаемъ цѣлый калейдоскопъ народнаго творчества. Изъ нихъ двѣ перевелъ Пушкинъ, а именно баллады «Засада» (Czaty—подъ заглавіемъ «Воевода») и «Три Будрысы» (Trzech Budrysów—«Будрысы и его сыновья»). Переводъ отличается точностью, несмотря на то, что не былъ сдѣланъ съ подлинника, такъ какъ Пушкинъ не зналъ польскаго языка¹⁾. Мы не будемъ останавливаться на этихъ балладахъ, отмѣ-

¹⁾ Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Р. Θ. Брандта, который переводы Пушкина считаетъ далеко неудачными въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Но нельзя въ тоже время винить Пушкина, такъ какъ онъ не зналъ польскаго языка. Лучшимъ изъ переводовъ является „Будрысы и его сыновья“.

тимъ только очевидный интересъ Пушкина къ творчеству своего друга: онъ познакомился съ балладой «Засада» во время пребывания польскаго поэта въ Москвѣ (сама баллада написана въ 1820 г.), а перевелъ ее много лѣтъ спустя въ 1833 г. Къ числу произведеній Пушкина, гдѣ мы можемъ усмотрѣть непосредственное вліяніе народной поэзіи, относятся: баллады «Женихъ», «Утопленникъ», драматическія сцены «Русалка» и его сказки. Поэму «Русланъ и Людмила» мы исключаемъ изъ нашего разбора, такъ какъ она представляетъ изъ себя юношескую во многомъ неудачную попытку поддѣлаться подъ народный эпосъ. Сопоставимъ наиболѣе характерныя баллады Мицкевича: «Lilie», «Switez», «Switezianka», «Rybka» и «Uscieszka» съ указанными произведеніями Пушкина.

Предъ нами двѣ баллады поэтовъ— «Женихъ» (25 г.) и «Бѣгство» (Uscieszka, около 20 г.). Проф. А. И. Кирпичниковъ и г. Сумцовъ предполагаютъ, что источникомъ для баллады Пушкина послужилъ одинъ изъ рассказовъ Арины Родіоновны. Въ запискахъ Смирновой мы находимъ подтвержденіе этому мнѣнію. «Наташа», говоритъ Смирнова, «менѣе (другихъ сказокъ) нравится мнѣ, но и она народна, и это рассказала ему Арина». Что касается до названной баллады Мицкевича, мы находимъ въ примѣчаніяхъ самого автора слѣдующее указаніе: «эту балладу я написалъ по образцу пѣсни, которую слышалъ когда-то въ Литвѣ на польскомъ языкѣ». Приведенные г. Сумцовымъ варианты (болѣе 20) указываютъ на точное сохраненіе въ «Женихѣ» того порядка, который существуетъ въ ходячихъ народныхъ преданіяхъ на эту тему. Въ балладѣ Пушкина нельзя не замѣтить сильнаго вліянія Жуковскаго: она написана 8-строчной строфой съ римами, какъ писалъ послѣдній. Обратимся къ основному содержанію «Жениха». Въ купеческой семьѣ исчезла дочь Наташа; только на третью ночь прибѣжала она домой «безъ памяти». На всѣ разспросы родителей о томъ, гдѣ она пропадала, Наташа не даетъ отвѣта. Однажды, когда она сидѣла съ подругами у воротъ «промчалась предъ ними лихая тройка съ молодцомъ». Наташа страшно испугалась, увидѣвши промчавшуюся тройку.

„Стремглавъ домой она бѣжать:
Онъ! онъ! узнала!“ говорить,
„Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!“

На слѣдующее утро является отъ молодца сваха и «разговоръ съ отцомъ ея заводитъ»:

„У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою паренъ молодецъ,
И статный и проворный,
Не вздорный, не задорный“.

Родители невѣсты, которымъ сваха расхвалила богатство жениха согласились; согласилась и дочь, но при этомъ выпросила, чтобы на свадебный пиръ были позваны судьи. На свадьбѣ Наташа рассказываетъ свой сонъ, какъ она попала въ лѣсу къ разбойникамъ, спряталась и увидѣла, что разбойники привели красавицу-дѣвицу, убили ее и отрубили палецъ съ кольцомъ. При этомъ рассказъ Наташа смотритъ жениху въ лицо говорить: «А это съ чьей руки кольцо?» и показываетъ всѣмъ припрятанное кольцо.

„Смутился гостя—судь гласятъ:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличень,
И скоро смертю казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша“.

Такимъ образомъ выясняется, гдѣ Наташа пропадала три дня. Нельзя не согласиться съ проф. В. О. Миллеромъ, который въ своей статьѣ «Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», говоритъ: «Въ «Женихѣ» ясно обнаруживаются собственно Пушкинскіе элементы—въ яркости языка, въ бойкой игрѣ словъ, въ обрисовкѣ свахи и сватовства, въ отраженіи патриархальныхъ семейныхъ началъ русской жизни и русской природы, въ характерныхъ остаткахъ русской бытовой старины». Укажемъ для примѣра на слова свахи:

„У васъ товаръ, у насъ купецъ“.

Эти слова Пушкинъ повторяетъ въ сказкѣ «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ», записанной со словъ жизни:

„Аль товаръ не по купцамъ?“

спрашиваетъ старшій богатырь, дѣлая предложеніе царевнѣ. Это несомнѣнно народное выраженіе дѣликомъ занесено въ балладу. Изъ ближайшаго сравненія «Жениха» съ великорусскими сказками г. Сумцовъ приходитъ къ убѣжденію, «что народность «Жениха» не

проистекала изъ простаго подражанія». При этомъ г. Сумцовъ приводитъ въ доказательство двѣ великорусскихъ сказки, одну изъ сказокъ Аенанасева въ т. IV, другую изъ сборника Садовникова. Въ первой изъ нихъ нѣтъ сватовства, которое мы видимъ въ балладѣ Пушкина, во второй мы встрѣчаемъ мотивъ о томъ, что дѣвица перебила 12 разбойниковъ. Такимъ образомъ, что касается самой фавулы, то въ ней у Пушкина нѣтъ почти никакихъ измѣненій за исключеніемъ весьма художественнаго сватовства, вытекающаго изъ содержанія обѣихъ великорусскихъ сказокъ. Если же мы примемъ во вниманіе только второй вариантъ, то Пушкинъ, окажется, выпустилъ мотивъ объ убійствѣ дѣвицей разбойниковъ. По замѣчанію проф. Сумцова, съ которымъ, мнѣ кажется нельзя несогласиться, «по отношенію собственно къ «Жениху» наиболѣе интересны великорусскіе варианты, такъ какъ Пушкинская повѣсть построена несомнѣнно на великорусскомъ вариантѣ, что видно уже изъ «типически народнаго ея языка». Мы видѣли, какъ незначительно измѣненіе въ «Женихѣ» великорусскихъ мотивовъ. Поэтому намъ кажутся совершенно не убѣдительными слова Сумцова, что мы имѣемъ «типичное художественное воспроизведеніе народности *не столько въ основной фавулѣ, не столько въ ходѣ разказа, сколько въ обрисовкѣ всей сцены дѣйствія и дѣйствующихъ лицъ, въ особенности въ языкѣ, гдѣ подобрано все яркое, выразительное, мѣткое и сильное*». Въ обоихъ отношеніяхъ, на нашъ взглядъ, воспроизведеніе народнаго мотива является одинаково точнымъ и художественнымъ, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній заключить, что Пушкинъ видоизмѣнилъ самую фавулу слышанной имъ сказки. Въ «Женихѣ» сохраненъ даже порядокъ разказа великорусскихъ вариантв, какъ поступалъ поэтъ и съ другими сказками, записанными со словъ Арины Родионовны.

Перейдемъ къ балладѣ Мицкевича «Бѣгство». Женихъ уѣхалъ на войну, о немъ нѣтъ никакихъ слуховъ. Тоскующую невѣсту выдаютъ замужъ. На помощь къ ней является старуха - чародѣйка, которая склонила дѣвушку воспользоваться силою чаръ для возвращенія жениха. Послѣдній не замедлилъ прійти и увозить съ собой невѣсту. Какъ вихрь несется конь и только иногда останавливается, какъ бы испугавшись какого-либо препятствія. Этимъ препятствіемъ оказываются молитвенникъ, который везетъ съ собой не-

вѣста, и другіе священные предметы. По настоянію жениха дѣвица бросаетъ одинъ за другимъ эти предметы, а въ концѣ-концовъ даже крестикъ, который носила на шеѣ. И вотъ парочка достигаетъ такимъ образомъ кладбища. Запѣли пѣтухи. Женихъ, оказавшійся мертвецомъ, скрылся въ могилу вмѣстѣ съ невѣстой. Баллада Мицкевича, какъ можно убѣдиться изъ ея содержанія, заключаетъ въ себѣ два мотива, общіе съ балладами Жуковскаго «Людмилой» и «Свѣтланой», а именно: 1) отчаяніе дѣвицы и 2) призваніе жениха чарами. Весьма вѣроятно, что «Бѣгство» Мицкевича навѣяно балладами Жуковскаго, съ которыми онъ познакомился черезъ посредство своего товарища Черныявскаго. Несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ, прямое или косвенное вліяніе на это произведеніе баллады Бюргера «Ленора». Но такъ какъ мы привели уже выше указаніе автора на то, что баллада заимствована непосредственно изъ устъ народа, то вліяніе могло сказаться главнымъ образомъ въ обработкѣ сюжета, весьма распространеннаго въ народныхъ разсказахъ. Отмѣтимъ точность передачи, пользуясь указаніями г. Здярскаго ¹⁾. Въ польской пѣснѣ такого же содержанія мы встрѣчаемъ стихи (O. Kolberg Lied. I st. 177).

„Odjeżdżając rzekł,
Marjo kocham cię!
Rok za rokiem biegnę
On nie wraca, nie“.

(Уѣзжая онъ сказалъ: «Марья, я люблю тебя!» Годъ за годомъ проходилъ, онъ не возвращается, нѣтъ).

У Мицкевича баллада начинается такъ:

„On wojuje — rok upłynął
On nie wraca — może zginął“

(Онъ на войнѣ—годъ протекъ; онъ не возвращается—быть можетъ погибъ).

Далѣе во всѣхъ вариантахъ народной пѣсни ѣзда мертвеца съ невѣстой описывается слѣдующими стихами:

„Miesiąc świeci,
Martwiec leci,
Sukieneczka szach, szach,
Panieneczko, czy nie strach?“

¹⁾ St. Zdziarski. Pierwiastek ludowy w poezyi A. Mickiewicza. Lwów 1898.

(Мѣсяць свѣтитъ, мертвецъ летитъ; платье шахъ, шахъ; барышня, развѣ не страшно?)

У Мицкевича это мѣсто:

„Miesiąc świeci—jeździec leci
Po zaroślach i po krzaczach:
Panno, panno, czy nie strach?“

(Мѣсяць свѣтитъ — ѣздокъ летитъ по зарослямъ и по кустамъ. Барышня, барышня, развѣ не страшно?)

Отмѣченнаго достаточно, чтобы замѣтить близость передачи и въ формѣ стиха и въ содержаніи. Несмотря на возможное вліяніе Жуковскаго, «Бѣгство» есть точная и художественная передача народнаго сказанія. Папортникъ, царь-зелье, которымъ приписывается сила чаръ, таинственный счетъ: десять скалъ, девять рѣкъ, девять горъ — все это взято изъ суевѣрій народа. Если мы сравнимъ народные варианты съ «Бѣгствомъ», то увидимъ, по словамъ Здырскаго, что окончаніе баллады нѣсколько видоизмѣнено: въ народныхъ вариантахъ дѣвица умираетъ не сразу, какъ у Мицкевича, а сперва убѣгаетъ отъ преслѣдующаго ее мертвеца. Разница эта слишкомъ незначительна, чтобы о ней говорить. Бѣглый разборъ баллады приводитъ насъ къ убѣжденію, что Мицкевичъ остался вѣрнымъ въ содержаніи и формѣ народному сказанію. То же самое мы говорили о балладѣ Пушкина «Женихъ». У обоихъ поэтовъ очевидно превосходное знакомство съ народными сюжетами; красота передачи одинаково художественна. Весьма незначительная разница можетъ быть отнесена къ окончанію балладъ: у Мицкевича оно нѣсколько иное, чѣмъ въ народныхъ вариантахъ, въ то время какъ у Пушкина выдержана точность до конца.

IV.

Но чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ нашемъ разборѣ, тѣмъ разница окажется существеннѣе.

Кому не извѣстна чудная баллада Пушкина «Утопленникъ»? Основной идеей этого произведенія является угрызеніе совѣсти рыбака, который не предалъ землѣ тѣло утопленника. Сюжетомъ послужило народное преданіе о бродячемъ мертвецѣ, душа котораго

не может успокоиться, пока не будет совершенъ обрядъ похоронъ. Сказанія подобнаго рода существуютъ у всѣхъ народовъ, а потому весьма трудно отыскать здѣсь специально русской народный вариантъ. Народное суевѣріе вставлено поэтомъ въ художественныя реальныя рамки. Боязнь мужика «ввѣкъ не разобраться съ судомъ», его обращеніе съ дѣтьми, «дымная хата»—все это соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какими яркими красками обрисованъ утопленникъ, когда онъ стучится у окна.

„Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ
Съ бороды вода струится,
Взоръ открыть и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черныя впились“.

Мы видимъ передъ собою бытовую картину, мастерски исполненную безъ лишняго штриха. Рыбакъ, изображенный поэтомъ,—характера мрачнаго ворчливаго: съ дѣтьми онъ грубъ, негостеприименъ, какъ видно изъ его обращенія къ неизвѣстному страннику, просящему крова.

„Кто тамъ?“—Эй впусти, хозяинъ!
„Ну какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда,
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.“

Но несмотря на грубость, его нельзя назвать дурнымъ человекомъ. Гдѣ тутъ пріютить странника, когда «дома тѣсно и темно». Самый проступокъ рыбака, которому слѣдовало бы заявить полиціи объ утопленникѣ, можетъ быть вполне извиненъ основательной боязнью предъ «судомъ» властей, которые не прочь затянуть по существу простое дѣло, какъ это нерѣдко случается въ деревнѣ. Достаточно указать хотя бы на рассказъ Слѣщова «Мертвое тѣло», гдѣ крестьяне изъ боязни передъ властями, извѣщенными о найденномъ мертвецѣ, оказавшемся здоровымъ парнемъ въ нетрезвомъ состояніи, упрощаютъ прохожаго молодца притвориться мертвымъ предъ начальствомъ, чтобы только избѣжать могущихъ произойти

неприятностей. Поэтъ останавливается предъ вопросомъ, кто былъ утопленникъ:

Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами.
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

и далѣе говорить:

Мужику какое дѣло?

Индеферентное отношеніе рыбака къ мертвецу, къ которому русский человѣкъ относится съ большимъ уваженіемъ, нѣсколько странно, тѣмъ болѣе, что общая характеристика рыбака на основаніи указанныхъ данныхъ не можетъ быть признана вполне отрицательной. Чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что

„Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ?..“

Если мужикъ относился безучастно къ жалкой судьбѣ несчастнаго, приходится объяснить причину его повторяющагося изъ году въ годъ страха не какъ угрызенія совѣсти за неисполненный долгъ, а какъ суевѣрную боязнь передъ мертвецомъ. При такомъ объясненіи утрачивается внутренній смыслъ народнаго повѣрія, который заключаетъ въ себѣ элементъ психологическій, а именно угрызеніе совѣсти за дурной поступокъ. Если же мы примемъ въ расчетъ угрызеніе совѣсти, то не совсѣмъ понятна безучастность рыбака къ погибшей жертвѣ.

Пушкинъ, какъ мнѣ кажется, обратилъ немного вниманія на анализъ того процесса, который совершался въ душѣ мужика въ моментъ его проступка и въ послѣдующее время, онъ передалъ намъ въ художественной рамкѣ повѣріе, имѣя въ виду общую бытовую картину, а не самое преданіе, какъ показатель народнаго міросозерцанія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и заключительные стихи баллады:

„Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ?..“

Поэтъ передаетъ намъ народный слухъ, то, о чемъ «говорять» въ простомъ народѣ. Слухъ этотъ ужасный, но для кого? Конечно, для суевѣрнаго простолюдина. Но не скрыто ли въ этомъ суевѣрїи нѣчто ужасное для интеллигентнаго человѣка, что такъ прекрасно назвалъ Пушкинъ, «когистымъ звѣремъ, скребящимъ сердце?» (Скупой рыцарь II). Авторъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Въ примѣчанїяхъ къ балладѣ «Лили» Мицкевичъ указываетъ, что сюжетъ заимствованъ имъ изъ народной пѣсни. Въ этомъ произведенїи, какъ и въ «Утопленникѣ», немаловажную роль играютъ угрызенїя совѣсти. Вотъ содержанїе баллады. Нѣкая госпожа убила своего мужа, зарыла его въ роцѣ и на могилѣ посѣяла лиліи. Испуганная собственнымъ поступкомъ, она бѣжитъ къ старику-отшельнику и рассказываетъ ему о своемъ удрученномъ состоянїи. Отшельникъ старается вызвать въ преступницѣ раскаянїе, но относительно страха наказанїя успокаиваетъ ее тѣмъ, что только самъ убитый можетъ открыть злодѣянїе. Госпожа успокоилась, однако не надолго: ее мучаютъ угрызенїя совѣсти. Не долго спустя возвращаются съ войны два брата покойнаго. Преступница увѣраетъ братьевъ, что мужъ ея погибъ на войнѣ. Братья, съ которыми покойный былъ вмѣстѣ, говорятъ, что онъ живъ и, вѣроятно, скоро вернется, а потому они ждуть его возвращенїя. Ждали день, другой и хотѣли ѣхать дальше, но хозяйка убѣдила ихъ остаться. Прошла зима, а затѣмъ весна, и братья, которымъ невѣстка понравилась дѣлаютъ ей предложенїе выйти за кого-нибудь изъ нихъ замужъ. Не зная, какъ поступить, госпожа, которую не оставляютъ угрызенїя совѣсти, то утихающїя, то снова усиливающїяся, обращается за совѣтомъ къ отшельнику. Старикъ попрежнему пытается вызвать раскаянїе у преступницы, но напрасно. Тогда онъ совѣтуетъ госпожѣ предложить братьямъ покойнаго мужа, что бы каждый изъ нихъ сплелъ ей вѣнокъ; чей будетъ лучше, за того пусть она выйдетъ замужъ, а на счетъ покойника онъ говоритъ ей, что тотъ не вернется, развѣ что она сама его призоветъ. Совѣтъ былъ выполненъ. Въ день, назначенный для свадьбы, госпожа входитъ въ церковь и беретъ одинъ изъ находящихся тамъ вѣнковъ, въ который были вплетены лиліи, сорванныя на могилѣ ея покойнаго мужа. Братья поднимаютъ между собой споръ, кому вѣнокъ принадлежитъ и кому изъ нихъ итти подѣ вѣнецъ. Но вотъ по-

является покойный мужъ и говорить, что вѣнокъ его, такъ какъ лиліи сорваны на его могилѣ. Церковь вмѣстѣ съ присутствующими проваливается, а надъ проваломъ высоко вырастаютъ лиліи.

Изслѣдованіе Здярскаго наглядно показываетъ, что въ этой балладѣ Мицкевича объединено нѣсколько народныхъ сюжетовъ. Главные изъ нихъ: убійство мужа изъ-за страха наказанія вслѣдствіе супружеской невѣрности, историческая легенда о Болеславѣ Смѣломъ и его походѣ на Русь Червоную, споры братьевъ о томъ, кого невѣста предпочитаетъ имѣть мужемъ и легенда о провалѣ церкви. Всѣ детали точно переданы Мицкевичемъ изъ народныхъ повѣрій. Цвѣты, вырастающіе на могилѣ и обличающіе преступницу, вѣдь это тѣ же цвѣты, которые мы встрѣчаемъ въ сербской народной пѣснѣ «Сестра и братья», переведенной Пушкинымъ въ его «Пѣсняхъ западныхъ славянъ»; рассказъ о пустынноиѣ скопированъ съ народныхъ разсказовъ (Ходяковъ. Великорусскія сказки III т.). Насколько выдержаны въ балладѣ народные мотивы, мы можемъ легко убѣдиться по слѣдующему отрывку, который я привожу согласно указаніямъ г. Здярскаго. Въ народной пѣснѣ:

Pani pana zabiła ¹⁾,
Schowała go w ogrodzie
Pzy tej studziennej wodzie,
Lelij na nim nasiała
I tak sobie spiewała:
Rośnij, rutko, wysoko,
Jak pan lezy głęboko.

У Мицкевича соотвѣтствующіе стихи:

„Zbrodnia to niesłychana ²⁾:
Pani zabiła pana.
Zabiwszy, grzebie w gaju,
Na łączce przy ruczaju,
Grób liliją zasiewa,

¹⁾ Переводъ цитированныхъ стиховъ народной пѣсни: „Госпожа убила господина, спрятала его въ огородъ при той студеной водѣ. Насѣяла надъ нимъ лилій и такъ себѣ пѣла: „рости, травка высоко, какъ господинъ лежитъ глубоко“.

²⁾ Переводъ: „Неслыханное преступленіе: госпожа убила господина; убивши, хоронитъ въ рощѣ, на лугу при ручьѣ, могилу засѣваетъ лиліями и, засѣвая, такъ поетъ: рости, цвѣтокъ, высоко, какъ господинъ лежитъ глубоко, такъ ты рости высоко“.

Zasiewając tak spiewa:
Rośnij Kwiecie wysoko,
Jak pan leży głęboko.
Jak pan leży głęboko,
Tak ty rośnij wysoko“.

Въ указанныхъ отрывкахъ мы видимъ на 10 стиховъ почти семь общихъ! Риема такая же, какъ и въ народной пѣснѣ; выраженія отличаются необыкновенной простотой. Но зачѣмъ понадобилось автору объединеніе нѣсколькихъ сюжетовъ? Въ первоначальномъ народномъ вариантѣ жена-преступница была немедленно наказана братьями, которые, возвращаясь съ войны, узнали объ убійствѣ. Очевидно, Мицкевичъ не пожелалъ примириться съ такой банальной развязкой. Онъ психологически вѣрно изобразилъ угрызения совѣсти преступницы; всѣ переходы внутренняго состоянія госпожи поражаютъ насъ своей правдивостью: то страхъ наказанія, то временное успокоеніе, то снова угрызения совѣсти.

Этой вставкой, вполне естественной, не нарушающей стройности рассказа, поэтъ объединилъ новые народные сюжеты: споръ братьевъ и провалъ церкви. Горе братьевъ, потерявшихъ въ убитомъ своемъ ближайшаго родственника, проходитъ довольно быстро. Такова участь въ большинствѣ случаевъ человѣческихъ радостей и печалей. Горе смѣняется желаніемъ воспользоваться утратой и занять мѣсто покойнаго, чувство эгоизма быстро смѣняетъ состраданіе.

„Do smaku im gospoda
Bo gospodyni młoda.
Ze chcą jechać udają.
A tymczasem czekają,
Czekają aż do lata,
Zapominają brata“.

(По вкусу имъ хозяйство, такъ какъ какъ хозяйка молода. Они притворяются, что хотятъ ѣхать, а между тѣмъ ждутъ, ждутъ до самаго лѣта, забываютъ брата. За эту вину свою братья гибнутъ вмѣстѣ съ самой убійцею). Но если даже поступокъ братьевъ покойнаго можно извинить, какъ поступокъ естественный: они ждали цѣлый годъ возвращенія брата и увлеклись молодой хозяйкой, то развѣ погибель нарушившаго нравственный долгъ не увлекаетъ часто въ бѣду и неповинныя жертвы? Такимъ образомъ, идея бал-

лады вполне понятна и отъ объединенія нѣсколькихъ народныхъ сюжетовъ получила лишь болѣе полное развитіе. Не выходя изъ предѣловъ народныхъ преданій, баллада представляетъ изъ себя разсказъ, выдержанный въ смыслѣ народности и глубокой по впечатлѣнію. Мицкевичъ ни однимъ словомъ не даетъ понять читателю, что это народный «слухъ», что это сказка. Онъ передаетъ разсказъ такъ, какъ будто вѣрить самъ описываемымъ событіямъ. Поэтому міросозерцаніе, скрытое въ объединенныхъ имъ народныхъ пѣсняхъ, выступаетъ рельефно и убѣждаетъ насъ въ томъ, что польскій поэтъ заинтересовался этимъ міросозерцаніемъ. Отдѣльная пѣсня народа заключаетъ въ себѣ ясную просто выраженную истину, результатъ продуманнаго отношенія къ дѣйствительности. Изъ цѣлаго комплекса разсѣянныхъ то тамъ, то здѣсь крупицъ народнаго умозрѣнія, можно составить себѣ надлежащее представленіе о философіи народа, который мыслить просто, но глубоко. Только тогда станетъ намъ понятной эта философія, если мы отрѣшимся отъ обычныхъ взглядовъ на народное суевѣріе, если мы на время забудемъ о той обстановкѣ, которая насъ окружаетъ, если мы перенесемъ на время вмѣстѣ съ народомъ въ таинственный міръ его сказаній. Эту истину осуществилъ Мицкевичъ въ своей балладѣ.

Въ то время, какъ Пушкинъ въ своемъ «Утопленникѣ» даетъ намъ реальную бытовую картину, въ которой кисть реализма затемняетъ для читателя мысль народную, Мицкевичъ старается въ своихъ «Лиліяхъ» смягчить реализмъ народной пѣсни; утапывая отъ братьевъ убійство, онъ замѣняетъ вполне естественную кару въ народной пѣснѣ проваломъ церкви и вноситъ въ свое произведеніе новый таинственный элементъ, заимствованный изъ другого народнаго сюжета. Справедливо ли наше объясненіе смысла, который преслѣдовалъ Мицкевичъ, объединяя нѣсколько сюжетовъ,—покажетъ дальнѣйшій разборъ.

V.

Теперь намъ предстоитъ рассмотреть драматическія сцены Пушкина «Русалка», въ связи съ двумя балладами Мицкевича «Switezianka» и «Rybka». Я соединяю въ одно эти двѣ баллады, потому что при различной фабулѣ въ нихъ участвуетъ въ качествѣ глав-

наго лица русалка. Такимъ образомъ можно сопоставить изображеніе русалки у обоихъ поэтовъ.

Русалка Пушкина имѣетъ большое сходство съ чешской пѣсней «Янышъ-королевичъ», переведенной поэтомъ. Это сходство даетъ поводъ комментатору Пушкина заключить, что «сюжетъ ея, повидимому, заимствованъ» изъ указанной пѣсни. Какъ сама пьеса, такъ и переводъ пѣсни являются неоконченными. Пушкинъ перевелъ только первую часть чешской пѣсни. Оба произведенія охватываютъ собой одни и тѣ же моменты: разставаніе князя съ дѣвицей, подарокъ ожерелья, самоубійство и встрѣча съ дочерью русалкой. Въ чешской пѣснѣ говорится также о свиданіи князя съ обманутой имъ дѣвицей, но этотъ моментъ отсутствуетъ въ «Русалкѣ». Но въ сценахъ Пушкина мы встрѣчаемъ нѣкоторые мотивы, которыхъ нѣтъ въ его переводѣ первой части пѣсни. Такъ въ послѣдней не упоминается вовсе о задуманномъ мщеніи русалки, между тѣмъ какъ у Пушкина она открыто сознается:

„Я каждый день о мщеніѣ помышляю“.

Далѣе въ отрывкѣ пѣсни не говорится ничего о свадьбѣ князя, которая въ драмѣ занимаетъ значительное мѣсто. Наконецъ, въ отрывкѣ не участвуетъ отецъ обманутой дѣвицы, между тѣмъ какъ мельникъ Пушкина представляетъ изъ себя сильно драматическое лицо пьесы. Не находится ли отмѣченная разница въ зависимости отъ вліянія Мицкевича на Пушкина? Я нахожу возможнымъ сдѣлать предположеніе о вліяніи баллады Мицкевича «Рыбка» на «Русалку» Пушкина ¹⁾. Прежде всего русскій поэтъ былъ, вѣроятно, знакомъ съ балладой своего друга, произведеніями котораго онъ занимался даже послѣ польскаго мятежа 1830 г., когда оба поэта, по словамъ Мицкевича, были разъединены «горнымъ потокомъ». Такъ въ «Сонетѣ» 1830 г. Пушкинъ говоритъ:

„Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Швецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключал“.

¹⁾ Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности, по цензурнымъ условіямъ, пользоваться изслѣдованіемъ проф. Третьяка, рассматривающаго данный вопросъ. Мои выводы совершенно самостоятельны.

Въ 1893 г., какъ разъ около времени написанія «Русалки» Пушкинъ переводитъ баллады Мицкевича: «Воевода», «Будрысь и сын-новья». Наконецъ, въ предисловіи къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ», написаннымъ въ 1832—1833 гг., Пушкинъ указываетъ на Мицкевича, какъ на «знатока въ славянской поэзіи»: очевидно, онъ былъ знакомъ съ народными произведеніями польскаго поэта, иначе не сталъ бы дѣлать подобной характеристики.

Обратимъ вниманіе на содержаніе балладъ Мицкевича «Свитезянка» и «Рыбка». Въ первой изъ нихъ молодой охотникъ клянется дѣвицѣ любить ее вѣчно. Дѣвица относится весьма скептически къ этой клятвѣ и совѣтуетъ не давать напрасныхъ обѣщаній. Затѣмъ она исчезаетъ. Охотникъ, возвращаясь домой, подходитъ къ озеру Свитезю. Что же видитъ онъ. Предъ нимъ русалка необыкновенной красоты. Красавица манитъ къ себѣ очарованнаго охотника. Онъ забываетъ про свою недавнюю клятву и отдаетъ себя во власть прекрасной русалки. Но каково же его удивленіе, когда онъ узнаетъ въ увлекшей его красавицѣ ту самую дѣвицу, которой онъ клялся въ любви, а теперь измѣнилъ. Охотникъ погибаетъ въ волнахъ жертвой своего вѣроломства.

Во второй балладѣ дѣвица-крестьянка, огорченная измѣной барина, прельстившаго ее, бросается въ воду и угрожаетъ отомстить своему любовнику. У дѣвицы осталась дочь, отданная на попеченіе старика-слуги. Въ то время, какъ въ хоромахъ барина идетъ брачное веселіе, старый слуга подходитъ къ озеру съ ребенкомъ погибшей. Онъ горько жалуется на то, что не кому кормить грудью младенца и зоветъ утонувшую мать. Вотъ является рыбка и превращается въ дѣвицу, беретъ у слуги ребенка и кормитъ его. Затѣмъ, превратившись снова въ рыбку, уплываетъ. Такъ продолжалось нѣкоторое время кормленіе ребенка. Однажды вечеромъ старый слуга увидѣлъ, что баринъ съ молодой женой отправились гулять въ лѣсъ по направленію къ озеру. Когда онъ немного спустился отсюда же съ ребенкомъ, онъ былъ пораженъ исчезновеніемъ озера; на прежнемъ берегу только два камня, подобные двумъ людскимъ тѣламъ. Слуга догадался, что это тѣла барина, погубившаго крестьянку, и его жены... «дико улыбнулся», а потомъ молясь, возвратился домой.

Сопоставляя изложенныя баллады съ «Русалкой», можно замѣтить слѣдующіе общіе элементы: мщеніе за измѣну, старый слуга,

напоминающей мельника по своей привязанности и «дикий улыбка», и пышная свадьба барина, нарушаемая у Мицкевича плачем ребенка, а у Пушкина голосом погибшей мельничихи. А ведь эти элементы как раз отсутствуют в переведенной Пушкиным чешской пьесе. В «Рыбка» Мицкевича, как и в «Русалка» Пушкина русалки беседуют друг с другом и называют себя «сестрами». Невольно напрашивается таким образом вопрос о влиянии Мицкевича на «Русалку». Вряд ли можно его разрешить вполне, но сделанное предположение весьма вероятно. Чтобы закончить с этим сопоставлением, приведем стихи:

„По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка“

в параллель с польскими стихами:

„Przez żwir, przez ostre kamuszki
Fale mnie gwałtowne niosą“,

(по песочку, по острым камешкам несут меня бурные волны)
и далее:

„Я слыхала ль ты, рыбка-сестрица
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечеръ у насъ красная дѣвица утопилась.
Утопая милого друга проклинала?“

со стихами:

*Załamuje białe rączki
I tak żałośnie narzeka.
„Siostry moje, Switezianki“...*

(Она заламывает белые ручки и так скорбно жалуется: «сестры мои, свитезянки»).

Как обработаны поэтами народные сюжеты? У Пушкина первая сцена представляет из себя совершенно реальную драматическую картину. В ней мне кажется не совсем художественной психологія мельника, у которого корыстолюбие черезчур быстро без всякой переходной ступени смѣняется раскаянием:

„Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ“.

Читая первую сцену «Русалки», мы совершенно неподготовлены къ таинственному народному элементу остальныхъ сценъ. остано-

вимся на второй сценѣ «Русалки», изображающей свадебное пиршество, и посмотримъ, какъ относятся дѣйствующія лица къ таинственному голосу, нарушившему веселіе князя. Наобыкновенно хужественное привѣтствіе свата открываетъ сцену. Затѣмъ слѣдуетъ веселая пѣсня хора, цѣль которой заставить свата раскошелиться. Такія пѣсни поются во многихъ мѣстахъ и мѣ настоящее время.

С В А Т Ъ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарятъ дѣвушкамъ).

Вслѣдъ за этимъ раздается голосъ погибшей мельничихи. Сватъ думаетъ, что кто-нибудь изъ хора зло пошутилъ, испрашиваетъ:

Красавицы! да что это за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, вѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

Д Ѣ В У Ш К И.

Не я, не мы. . .

С В А Т Ъ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?

(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

Очевидно, что сватъ не повѣрилъ заявленіямъ дѣвушекъ. Одинъ только князь знаетъ, кто пропѣлъ эту пѣсню, и велитъ конюшему вывести мельничиху, предполагая, что она находится среди дѣвушекъ. Конюшій послѣ тщетныхъ поисковъ заявляетъ:

„Я не нашель ее“.

Князь настаиваетъ на томъ, что мельничиха «здѣсь», и услышавъ крикъ среди гостей, восклицаетъ:

„Она! Вогъ крикъ ея ревнивыи! Что?“

К О Н Ю Ш І Й.

Я не нашель ее нигдѣ.

К Н Я З Ъ.

Дуражъ.

Не очевидно ли отсюда, что князь не допускаетъ мысли о томъ, что таинственный голосъ можетъ быть голосомъ привидѣнія? Сваха и дружка убѣждены въ томъ, что дѣвушки пропѣли эту злополучную пѣсню.

С В А Х А.

Да не къ добру пропѣли эту пѣсню,
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую. . .

Д Р У Ж К О.

Ужъ эти дѣвушки! Никакъ нельзя имъ
Не напроказить. Статочно ли дѣло —
Мутить нарочно княжескую свадьбу.

Такимъ образомъ и отношеніе самого князя и отношеніе дѣйствующихъ лицъ этой сцены къ таинственному голосу не заключаютъ въ себѣ ничего суевѣрнаго, а наоборотъ всѣ они находятъ ему вполне естественное объясненіе. Читатель «Русалки» можетъ допустить вмѣстѣ со свахой и дружкой, что дѣвушки, знавшія о преступленіи князя, пожелали надъ нимъ посмѣяться и наказать его. Тогда утрачивается внутренній смыслъ народнаго суевѣрія: пострадавшая душа послѣ смерти преслѣдуетъ своего обидчика. Поэтъ нарисовалъ намъ реальную бытовую картину, гдѣ все до мелочей согласено съ обрядами свадьбы: хоръ, сватъ, сваха, пиръ. Реальность обстановки настолько велика, что намъ вмѣстѣ съ поэтомъ хочется видѣть ее во всемъ. въ этой обстановкѣ какимъ-то диссонансомъ звучитъ голосъ погибшей мельничихи, если мы пожелаемъ открыть смыслъ народнаго повѣрія.

Въ четвертой сценѣ встрѣча и разговоръ князя съ безумнымъ мельникомъ полны захватывающаго драматизма, но вставленная сюда бесѣда русалокъ не вяжется съ общей картиной правдиваго раскаянья князя. Народное суевѣріе стоитъ какъ бы вдали отъ тѣхъ реальныхъ рамокъ, въ которыя оно вставлено, и, вслѣдствіе этого, таинственный элементъ пьесы теряетъ во многомъ свою обаятельность. И здѣсь, какъ и раньше, реализмъ беретъ верхъ надъ предрасудками народа, и не ими поэтъ облакаетъ свою идею. Пушкинъ, увлеченный слѣдами стариннаго быта въ свадебныхъ пѣсняхъ и красивой легендой о русалкѣ, помѣщаетъ ихъ въ свое произведеніе такъ же,

какъ онъ употребляетъ народныя пѣсни въ качествѣ эпиграфовъ къ нѣкоторымъ главамъ «Капитанской дочки», т. е. не сливая заимствованнаго органически со своимъ произведеніемъ. Пушкинъ воспользовался пѣсней о русалкѣ по столку, по скольку она представляетъ благодарный матеріалъ для драматической обработки. Мы не возражаемъ противъ художественности «Русалки», какъ драматической картины, но указываемъ лишь на ту роль, которую играетъ въ ней народный элементъ. Разборъ второй и четвертой сценъ показываетъ намъ, что во вѣшнемъ этотъ элементъ строго выдержанъ, но во внутреннемъ своемъ содержаніи онъ затушеванъ кистью художника-реалиста.

Совершенно противоположное мы замѣчаемъ у Мицкевича. Въ его «Рыбкѣ» заключаются два основныхъ народныхъ мотива: первый изъ нихъ тотъ же, что и въ «Свитезянкѣ»,—разсказъ о невѣрномъ любовникѣ; второй—преданіе о русалкѣ, которая каждый день кормила грудью своего ребенка. Всѣ аксессуары заимствованы поэтомъ изъ преданій народа и связаны имъ въ одно гармоничное цѣлое. Присоединеніемъ къ первому мотиву второго автора усилилъ драматизмъ баллады, указывая на безпомощное положеніе ребенка, оставленнаго на произволь судьбы. Участъ обманутой крестьянки глубоко трогаетъ поэта. Не ту же ли мысль мы встрѣчаемъ во второй части драмы Мицкевича «Дѣды» (или «Поминки»—*Dziady*)? Колдунъ-знахарь, призывающій привидѣнія покойниковъ и надѣляющій ихъ пищей, отказываетъ въ этомъ привидѣнію барина - помѣщика, жестоко обращавшагося со своими крестьянами.

„Nie znałeś litości panie!
Hej sowy, puchacze, kruki,
I my nie znajmy litości:
Szarpajmy jadło na sztuki,
A kiedy jadła nie stanie,
Szarpajmy ciało na sztuki,
Niechaj nagie świecą kości“.

(«Ты не зналъ жалости, баринъ! Эй, совы, филины и вороны и мы не будемъ знать жалости: растерзаемъ ѣду на куски, а когда не хватить пищи, разорвемъ его тѣло на куски, пусть виднѣются голыя кости!»)

Точно передавая народныя пѣсни подобно Пушкину, Мицкевичъ не прибѣгаетъ къ тѣмъ реальнымъ рамкамъ, которыя мы отмѣтили у русскаго поэта. Онъ вмѣстѣ съ пародомъ переносится въ таинственную обстановку преданій и своимъ художественнымъ сочетаніемъ выражаетъ цѣльную и глубокую идею. Если въ «Свитезянкѣ» русалка, согласно народному представленію, заманиваетъ охотника, то здѣсь нѣтъ тенденціозной мысли, что русалка является своего рода Немезидой. Русалка въ изображеніи Мицкевича не утрачиваетъ присутствующей народной черты—завлекать мужчинъ безъ всякаго очевиднаго повода: мечь и въ «Свитезянкѣ», и въ «Рыбкѣ» совершается пострадавшей особой, а не русалками вообще. Пушкинъ замѣчательно художественно подмѣтилъ возможность тенденціозности, если бы русалки покарали князя въ четвертой сценѣ, и устранилъ этотъ антихудожественный элементъ:

„Что сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ сворѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи давно пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна“.

И у Мицкевича въ балладѣ «Рыбка», какъ и въ «Свитезянкѣ» дѣвица жалуется русалкамъ на свое горе, но мщеніе совершаетъ лично, не прибѣгая къ помощи подругъ. Художественность изображенія русалки у обоихъ поэтовъ не подлежитъ сомнѣнію. Разница можетъ быть указана по отношенію къ обработкѣ общей идеи разобранныхъ произведеній: у Пушкина выступаетъ на первый планъ бытовая реальная картина, у Мицкевича—народное міровоззрѣніе, вытекающее изъ объединенныхъ сюжетовъ.

VI.

Въ балладѣ Мицкевича «Свитезь» есть одна небольшая сходная черта со сказкой Пушкина «О рыбацкѣ и рыбкѣ». Неводъ рыбацкій у русскаго поэта вытаскиваетъ золотую рыбку, а у Мицкевича—подводную русалку. Этимъ только ограничивается сходство. Содержаніе баллады «Свитезь» слѣдующее. Озеро Свитезь отличалось

своей таинственностью: въ немъ слышался постоянный шумъ, какъ въ городѣ, виднѣлся огонь, раздавалось бряцаніе оружія. Господинъ, въ имѣніи котораго находилось озеро, пожелалъ открыть тайну. Приготовили огромный неводъ и послѣ богослуженія опустили въ воду. Неводъ вытащилъ красивую женщину. Она рассказываетъ повѣсть о происхожденіи озера. Царь русскій пошелъ войною на литовскаго короля Мендога; послѣдній обратился за помощью къ князю Тугану, замокъ котораго находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро. Туганъ неохотно отправляется по приглашенію; онъ повинуется желанію своей дочери, которая беретъ на себя защиту замка въ отсутствіи отца. Русскія войска послѣ стѣзда Тугана напали на Свитезь. Защищаться не было никакой возможности. Находившіяся въ замкѣ женщины хотѣли покончить жизнь самоубійствомъ, чтобы не достаться врагамъ. Тогда дочь князя попросила защиты у Богоматери, и замокъ провалился вмѣстѣ съ женщинами, которыя были превращены въ цвѣты, растущіе на берегу образовавшагося озера. Русскіе воины, сорвали нѣкоторые цвѣты, но тѣхъ, кто осмѣлился сдѣлать это, постигла смерть. Отсюда и названіе цвѣтовъ—сагу (цари).

«Выслушавши однажды» говоритъ Мицкевичъ, «весьма интересную сказку со словъ рыбака, Марія Верещакъ (возлюбленная поэта) сказала, обращаясь ко мнѣ: «вотъ поэзія, напиши что-нибудь въ этомъ родѣ». Эти слова глубоко запали въ мою душу и въ нихъ я очерпнулъ мое поэтическое направленіе». Какъ видно изъ содержанія баллады, часть, предшествующая разсказу Свитезянки, ничто иное—какъ присказка, гдѣ авторъ излагаетъ свои собственные впечатлѣнія. Не разъ приходилось автору гулять около гладкаго, какъ стекло, озера и здѣсь онъ вспоминаетъ разсказы о привидѣніяхъ и чудесахъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ. Эпически спокойно передаетъ намъ польскій поэтъ эти причудливые разсказы, и намъ кажется, будто онъ самъ вѣрить въ сверхъестественныя явленія:

„Nieraz śród wody gwar, jakoby w mieście,
Ogień i dym bucha gęsty,
I zgiełk walczących i wrzaski niewieście
I dzwonów gwałt i zbrójchrzęsty.

Nagle dym spada, halas się umierza,
Na brzegach tylko szum jodły,
W wodach gadanie cichego pacierza
I dziewic żałośne modły“.

(Не разъ средь воды—шумъ, какъ бы въ городѣ, валить огонь и дымъ густой, и бряцапіе сражающихся и крики женщинъ и сильный звонъ и звукъ оружія. Вдругъ дымъ исчезаетъ, шумъ утихаетъ, на берегахъ только шопоть ели; въ водахъ шопоть тихой молитвы, и жалостныя мольбы дѣвицъ).

Даже въ этой присоединенной къ легендѣ прісказкой поэта—все строго соотвѣтствуетъ дальнѣйшему повѣствованію и заимствовано изъ устъ народа.

У поляковъ существуетъ много подобныхъ легендъ о защитѣ города Львова отъ казаковъ, о защитѣ крѣпости Зальцведель и т. п., гдѣ Матерь Божія охраняетъ осаждаемых¹⁾. Легенду такого рода поэтъ связалъ съ этимологическимъ преданіемъ о цвѣтахъ, называемыхъ сагу, и народнымъ повѣріемъ о русалкѣ. Снова въ этой балладѣ мы встрѣчаемся со сложной мозаикой сюжетовъ, заимствованныхъ непосредственно у народа, и съ точной, мѣстами буквальной передачей народныхъ стиховъ и выраженій.

Зачѣмъ понадобилось польскому поэту это сочетаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ тотъ же, что и раньше. Поэтъ страстно желаетъ одухотворить свой рассказъ идеей. Если его мечтательное воображеніе унеслось въ область народныхъ преданій, то все же ни на минуту поэтъ не можетъ забыть о тѣхъ мысляхъ, которыя неотступно волнуютъ его. Раньше мы видѣли, онъ скорбитъ о поруганной чести дѣвицы-крестьянки, которую баринъ сдѣлалъ жертвой своей прихоти, онъ останавливается надъ психологическимъ анализомъ угрызений совѣсти и неустойчивостью человѣческихъ увлеченій, теперь въ немъ проснулась патріотическая мысль о былой беззащитной защитѣ родины, когда и слабая женщина являлась героемъ. Мысли Мицкевича неразрывно связаны съ причудливыми образами народной фантазіи. Художникъ сознаетъ неправду историческаго от-

¹⁾ Интересные народные рассказы такого рода собраны въ статьѣ проф. Сумцова: „Сказанія о провалившихся городахъ“.

ношенія поляковъ къ простому народу. Въ преданіяхъ этого народа увлекаетъ его не только эстетическая сторона, но и внутренній смыслъ, который онъ жаждетъ обнаружить читающей публикѣ. Мицкевичъ въ своихъ балладахъ показываетъ намъ, какъ просты эти мысли по своему выраженію и какъ глубоки вдохновенной идеей. Жизнь польскаго поэта, несомнѣнно, подтверждаетъ наше мнѣніе. Если панъ Тадеушъ освобождаетъ своихъ крѣпостныхъ, а проеетъ соціальной реформы, какъ ни слабъ въ деталяхъ, основанъ на мечтѣ, о которой говоритъ Пушкинъ въ своемъ отрывкѣ «Мицкевичъ», мечтѣ, «когда народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся».

Такимъ образомъ характеръ вліянія народной поэзіи на Мицкевича по преимуществу внутренній; онъ ищетъ въ ней вдохновительницу тѣхъ общественныхъ мыслей, которыя волнуютъ его. Не напрасно указываетъ г. Уманскій (Рус. М. 93 г.) на аналогію между воззрѣніями Мицкевича и Л. Н. Толстого. Оставаясь вѣрнымъ и во внѣшнемъ народной поэзіи, Мицкевичъ руководится въ своихъ балладахъ задачей: отражать внутренній міръ народа.

Сказки Пушкина изобилуютъ бытовымъ элементомъ и открываютъ передъ читателемъ неизсякаемый запасъ народнаго юмора и выраженій, дѣлный калейдоскопъ фантастическихъ картинъ, такъ прекрасно охарактеризованный поэтомъ въ его прологѣ къ поэмѣ «Русланъ и Людмила»: . . .

„Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродить,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;

Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... Тамъ Русью пахнетъ!

Большинство сказокъ заимствовано Пушкинымъ у Арины Родионовны. Г. Сумцовъ, изслѣдовавшій варианты этихъ сказокъ, указываетъ намъ на то, что поэтъ близко держался народной основы, сохранилъ всѣ главные мотивы и мѣстами лишь придалъ имъ яркую культурно-бытовую обстановку. «Глубина народности», говоритъ г. Сумцовъ по поводу лучшей изъ сказокъ «О рыбацѣ и рыбацѣ», «отчасти обусловлена искуснымъ введеніемъ выразительныхъ простонародныхъ словъ и выраженій: синее море, ласковое слово, заморскія вина, тесовыя ворота; взмолятся, молвить, кликать, добро (въ значеніи хорошо!); бѣлены объѣлась, въ зашеи затолкали, не садися не въ свои сани, поперекъ слова молвить, говорить чество». Когда мы читаемъ сказки Пушкина, невольно вспоминаются слова поэта въ его письмѣ къ брату изъ Михайловскаго: «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма». Намъ становится тогда понятнымъ рассказъ Ѳ. И. Буслаева, въ которомъ онъ передаетъ слова Кирѣевскаго по поводу тетради народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Пушкинымъ. «Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій, далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: «когда-нибудь отъ нечего дѣлать разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ». И сколько не старался я разгадать эту загадку,—продолжалъ Кирѣевскій,—никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя». Начало сказки о медвѣдицѣ, гдѣ съ необыкновенною художественностью изображаются животныя въ народномъ представленіи, многіе изслѣдователи готовы были принять за точную записъ народной пѣсни, но до сихъ поръ не указанъ простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался Пушкинъ: «по всей вѣроятности» говоритъ проф. В. Ѳ. Миллеръ, «это не была одна опредѣленная пѣсня».

Что касается до идеи самихъ сказокъ, то здѣсь такъ же, какъ и въ балладѣ «Женихъ», она не сложна, и нравственный обликъ народа не можетъ быть изображенъ здѣсь съ тою глубиной и серьез-

ностью, которая присущи балладамъ Мицкевича. Да иначе и не можетъ быть: вѣдь народъ говоритъ: «сказка — складка», и Пушкинъ повторяетъ за нимъ это опредѣленіе:

„Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
Добрѣмъ молодцамъ урокъ!“ (Сказ. о зол. пѣт.).

Этотъ «урокъ» имѣется во всѣхъ сказкахъ Пушкина, а потому онѣ являются благодарнымъ матеріаломъ для педагогическихъ цѣлей. Пушкинъ въ своихъ сказкахъ, какъ и въ разобранныхъ раньше произведеніяхъ, является гениальнымъ воспроизводителемъ народныхъ сюжетовъ. Онъ любитъ народъ, знаетъ хорошо его языкъ и нравы.

Принимая во вниманіе отмѣченный мною реализмъ въ «Утопленникѣ» и, «Русалѣ», который не позволяетъ Пушкину всецѣло перенестись въ таинственный міръ народныхъ преданій и отыскивать въ нихъ внутренней смыслъ, я заключаю, что характеръ вліянія народной поэзіи на Пушкина былъ по преимуществу внѣшній эстетическій. Признавая великія заслуги Пушкина, какъ «народнаго пѣвца и какъ представителя лучшихъ общественныхъ идей, завѣщанныхъ потомству, я не вижу въ немъ стремленія къ анализу народнаго міросозерцанія.

Препятствіями для этого служила Пушкину его эпоха, заглушавшая разработку народной поэзіи реакціонными аристократическими вождельніями. Но и то, что сдѣлалъ Пушкинъ своимъ художественнымъ изображеніемъ картинъ изъ народнаго быта,—дѣло великое, предвозвѣстникъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Разница во вліяніи народной поэзіи на поэтовъ-ровесниковъ состоитъ такимъ образомъ въ томъ, что первый изъ нихъ былъ увлеченъ эстетикой, а второй—народнымъ міровоззрѣніемъ.

VII.

«Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія», говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, «славянскія племена никогда не были настолько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственнаго авторитета на прочія европейскія націи». Если по отношенію къ современному состоянію польской и русской литературъ, можно сдѣлать, возраже-

нія словамъ покойнаго профессора, то этимъ во многомъ обязаны родственныя литературы вліянію народной поэзіи на ихъ представителей—Пушкина и Мицкевича. Поэты подтверждаютъ значеніе этого вліянія своими собственными признаніями.

Пушкинъ въ своихъ письмахъ и замѣткахъ оставилъ намъ доказательство своего уваженія къ народному языку. Вотъ какъ характеризуетъ онъ слогъ Ломоносова ¹⁾: «Слогъ его ровный, двѣтущій и живописный заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и *отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ просто-народнымъ*».

Въ своемъ письмѣ къ А. А. Бестужеву ²⁾ поэтъ расточаетъ похвалы Ломоносову за то, что «онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго». Еще болѣе ясно выражаетъ Пушкинъ свое мнѣніе о народномъ языкѣ въ «Критическихъ замѣткахъ» (1830—1831 гг.) ³⁾: «*Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойства русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ*». Та же мысль подчеркнута поэтомъ въ его замѣткѣ по поводу критики «Полтавы»: «никогда не пожертвую искренностью и точностью выраженія изъ боязни казаться *простонароднымъ*, славянофиломъ или т. п.» ⁴⁾. Защищаясь отъ нападокъ критики за стихъ «Людскую молвь и конскій топъ», Пушкинъ замѣчаетъ: «На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а *взять цѣликомъ изъ русской сказки*: «И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь» ⁵⁾. Кн. Пав. Петр. Вяземскій, описывая квартиру Пушкина въ день его свадьбы говорить, что видѣлъ въ числѣ книгъ собраніе стихотвореній Кириши Данилова, и продолжаетъ: «Съ жадностью слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго русскаго стиха» ⁶⁾.

Приведенныя нами замѣтки указываютъ главнымъ образомъ на уваженіе Пушкина къ живой народной рѣчи, какъ источнику лите-

¹⁾ Соч. Пушкина. Изд. Лит. Фонда V, 27—28.

²⁾ Ibidem VII, 116 (21-го марта, 1825 г.).

³⁾ Соч. Пушкина. V, 127—128.

⁴⁾ Соч. Пушкина. V, 133.

⁵⁾ Соч. Пушкина. V, 128.

⁶⁾ В. Миллеръ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, стр. 41.

ратурнаго языка ¹⁾). Что касается до характеристики внутреннего содержания народной поэзіи, кому неизвѣстны стихи поэта:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Заунывность русской пѣсни отмѣчена Пушкинымъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ»: «Поэтъ уныло русская дѣвица» и далѣе: «Грустный вой пѣснь русская». Но вѣдь этой характеристикой далеко не исчерпывается содержаніе народной пѣсни, въ которой отражаются интересы народа, его мысль и чувства.

Послушаемъ теперь, какими вдохновенными стихами говоритъ Мицкевичъ о народной пѣснѣ, и для насъ станетъ понятнымъ, какъ искренно и глубоко онъ увлекался ею.

O wieści gminna ²⁾! ty arko przymierza
Między dawnemi i młodszemi laty:
W tobie lud składa broń swego rycerza,
Swych myśli przedzę i swych uczuć kwiaty.
Arko tyś żadnem nie złamana ciosem
Póki cię własny twój lud nie znieważy;
O pieśni gminna, ty stoisz na straży
Narodowego pamiątek Kościoła
Z archanielskimi skrzydłami i głosem—
Ty czasem dzierzysz i broń archanioła.

(О народное сказаніе! ты арка союза между старыми и молодыми годами: въ тебѣ народъ складываетъ оружіе своего рыцаря, *пряжу своихъ мыслей и цвѣты своихъ чувствъ!* Арка! ты не сломлена никакимъ ударомъ, пока не пренебрежетъ тобой твой собственный народъ! О пѣснь народная! ты, памятникъ народной церкви, стоишь на стражѣ съ крыльями и голосомъ архангеловъ—порой ты держишь и оружіе архангела). «Пламень», говоритъ далѣе поэтъ, «уничтожить живопись, разбойники опустошатъ мечомъ сокровища, но

¹⁾ Изъ новѣйшихъ статей по этому вопросу см. статью г. Некрасова въ жур. „Жлзнь“ май 1899 г.

²⁾ Конрадъ Валенродъ. Пѣснь Вайделоты.

пѣсня останется цѣлой». Она, какъ соловей, вылетитъ изъ объятаго огнемъ строенія, убѣжить въ лѣсъ и тамъ надъ развалинами будетъ тянуть жалостную пѣсню... При звукахъ ея поэту кажется, что онъ видитъ передъ собой какъ живыя картины былого; онъ всецѣло переносится въ чудный мѣръ народныхъ сказаній.

Остается въ заключеніе, хотя въ бѣглыхъ чертахъ, отмѣтить непосредственное вліяніе народной поэзіи на главные произведенія поэтовъ-ровесниковъ, какими являются «Евгеній Онѣгинъ» и «Панъ Тадеушъ». И въ томъ и въ другомъ произведеніи поэты получили возможность внести народный элементъ: въ «Евгеніи Онѣгинѣ» большую роль играетъ деревня, а въ «Панѣ Тадеушѣ» дѣйствіе цѣликомъ происходитъ въ шляхетскомъ помѣстіи. Тѣ главы своего романа, гдѣ Онѣгинъ находится въ деревнѣ, Пушкинъ создалъ въ Михайловскомъ. «Отсюда», вполне справедливо говоритъ проф. В. Ө. Миллеръ: «яркость и сочность красокъ и художественная твердость рисунка въ «михайловскихъ» главахъ романа; отсюда вдохновенное проникновеніе въ духовную жизнь Татьяны, которая при всей художественной прозорливости поэта могла быть понята только въ связи съ непосредственными наблюденіями всего склада помѣщичьей жизни»¹⁾. Въ концѣ третьей главы мы встрѣчаемъ пѣсню дѣвушекъ (Дѣвушки красавицы, душеньки подруженьки), пѣсню, очень близкую по своему слогу къ народной. Сонъ Татьяны художественно передаетъ народное повѣріе и напоминаетъ намъ балладу «Женихъ», которая, какъ мы показали, строго вѣрна народному сказанію. Въ пятой главѣ, описывая гаданья Татьяны, поэтъ воспользовался подблюдными пѣснями.

Брандесъ называетъ «Пана Тадеуша» единственной европейской эпопеей послѣ Илиады и Одиссеи. Здѣсь уже во вступленіи Мицкевичъ проситъ Матерь Божію перенести его тоскующую душу къ лѣснымъ холмамъ, лугамъ зеленымъ». Всѣ картины повѣсти проходятъ предъ читателемъ въ сельской обстановкѣ. Изъ народныхъ пѣсенъ двѣ вошли въ это произведеніе: пѣсня о солдатѣ-кочевникѣ (о żołnierzu tułaczu) и пѣсня о Цибульскомъ, напоминающая по своему содержанію «Казначейшу» Лермонтова. «Первая пѣсня

¹⁾ В. Миллеръ. Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ, М. 99 стр. 44.

пользовалась», говоритъ г. Здырскій, «большой любовью поэта, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть дочь Мицкевича — Марія Горецкая». «Часто», пишетъ она, «отецъ пѣлъ мнѣ эту пѣсню тоскливую, и всегда она производила на меня грустное впечатлѣніе». Однажды когда поэтъ пѣлъ ее, малолѣтняя дочь его расплакалась, такъ какъ ей показалось, что братецъ ея согласно содержанию пѣсни пошелъ на войну, его убили, и вѣрный конь возвращается домой одинъ безъ сѣдока. «Вотъ видишь», сказалъ тогда Мицкевичъ своему пріятелю: «какъ сильно вліяетъ народная поэзія». Описывая неподражаемыми стихами сборъ грибовъ, поэтъ объясняетъ ихъ значеніе по народнымъ представленіямъ:

„chłopcy biorą krasnolice
Tyle w pieśniach litewskich sławione lisice,
Co są godłem panieństwa: bo czerw ich nie zjada.
Panienci za wysmukłym gonią borowikiem,
Którego pieśni nazywa grzybów półkownikiem“.

(Парни берутъ краснолицыя лисички, столь прославленные въ литовскихъ пѣсняхъ, что достойно господь, ибо червь ихъ не съѣдаетъ. Барышни гонятся за смуглымъ боровникомъ, котораго пѣсня называется полковникомъ грибовъ).

VIII.

Въ началѣ нашей работы указаны были причины, почему русскій поэтъ обратилъ меньше вниманія, чѣмъ польскій, на содержаніе народной поэзіи. Помимо этихъ соображеній, касающихся характеровъ обоихъ поэтовъ и условій историческихъ, важную роль играетъ то обстоятельство, что Пушкинъ не зналъ нѣмецкаго языка, и что поэтому вліяніе на него нѣмецкаго романтизма было косвенное, главнымъ образомъ черезъ Жуковскаго. Мицкевичъ же читалъ въ подлинникъ произведенія нѣмецкихъ романтиковъ, гдѣ раскрытіе внутренняго содержанія народныхъ повѣрій составляло серьезную задачу. Не меньшую роль играетъ и то, что польскому романтизму приходилось выдерживать болѣе значительную борьбу съ ложно-классицизмомъ, чѣмъ романтизму—въ Россіи ¹⁾). Мицкевичъ въ борьбѣ

¹⁾ Однако западному вліянію нельзя приписывать рѣшающаго значенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики.

съ классиками, осмѣивавшими народныя повѣрїя, быть можетъ, доходилъ до чрезмѣрнаго увлеченїя, но онъ все-таки вышелъ побѣдителемъ, раскрывши дѣйствительное значенїе народной поэзіи. Онъ не нагромождалъ произвольно всякія чудеса и всякую чертовщину въ свои баллады: въ его объединенїи народныхъ сюжетовъ—строгїй планъ и обдуманность. Мицкевича нельзя сравнивать съ Жуковскимъ. Въ то время какъ послѣдній даже въ оригинальныхъ произведенїяхъ черпалъ матеріалъ изъ западныхъ источниковъ, польскїй поэтъ излагалъ только родныя пѣсни, слышанныя имъ лично. Въ своей ранней балладѣ «Романтизмъ» Мицкевичъ говоритъ: «чувство и вѣра сильнѣе ко мнѣ говорятъ, чѣмъ стеклышко и глазъ мудреца». Въ этихъ словахъ—источникъ романтизма поэта. Отсутствїе вѣры и чувства создало ложно-классическую ходульную и салонную эстетику, привившуюся въ Польшѣ при благопрїятныхъ для этого условїяхъ—шляхетскомъ аристократизмѣ и порабощенїи народа. Здѣсь не было мѣста общественнымъ запросамъ, не было мѣста идеямъ братской любви и помощи, которыя такъ горячо проповѣдывалъ вдохновенный поэтъ. Въ балладѣ «Poras w urisie» Мицкевичъ бросаетъ вызовъ скептикамъ, отрицающимъ значенїе народной поэзіи. «Что же такое народныя сказанїя?» спрашиваетъ онъ: «Пенель, въ которомъ тлѣетъ едва только искра правды; гіероглифъ, украшающїй поросшіе мхомъ камни; надпись, значенїе которой исчезло; отголосокъ славы, раздающїйся черезъ океаны лѣтъ, отголосокъ, разбитый о выдумки, сломанный о лживыя преданїя, достойный только смѣха ученыхъ? Но прежде чѣмъ я засмѣюсь, пусть скажетъ ученый, что такое наши сказанїя». Вполнѣ справедливъ былъ, по нашему мнѣнїю, Мицкевичъ, бросая этотъ вызовъ, такъ какъ избранная имъ область изслѣдованїя требовала философскаго анализа, основаннаго не на внѣшнемъ опытѣ, а на идеалистическомъ умозрѣнїи. На поставленный вопросъ: «что такое народныя сказанїя»? поэтъ далъ блестящїй отвѣтъ. Онъ показалъ намъ, что народъ заключилъ въ нихъ «пряжу своихъ мыслей и цвѣты своихъ чувствъ», показалъ намъ это не при помощи «стеклышка и глаза мудреца», а при помощи чуткаго любящаго народъ сердца и глубокой мысли.

Подобно тому, какъ Пушкинъ мечталъ увидѣть «народъ освобожденный» и надѣялся, что имя его будетъ извѣстно «по всей Руси

великой» за то, что онъ «воспѣлъ свободу» и «милость къ падшимъ призывалъ», такъ и Мицкевичъ страстно желалъ дожить «до той радости», когда его книги распространятся въ сельскихъ избахъ, «когда крестьянки возьмутъ въ руки (его) книги, простыя, какъ ихъ пѣсни». Оба народныхъ пѣвца получаютъ достойную благодарность потомства только тогда, когда сбудутся эти желанія, и поэзія ихъ дойдетъ

„До тѣхъ низинъ и уголковъ,
Гдѣ нынѣ меркнутъ умъ и чувство
Безъ яркихъ грезъ, безъ дивныхъ сновъ
Животворящаго искусства.“

И. Эйзенбетъ.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1900.